

МУРЗИКА

№1

ЯНВАРЬ
1966

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОДНОЛЕТНИКОВ

КАКАЯ

Будет ясно, морозно, если

Дым
мается
вверх.

подни-
прямо

Ветер с востока, северо-востока и юго-востока.

Луна с большим венцом вокруг,
а звёзды слабо мерцают и зеленова-
того цвета.

Иней на проводах
и на ветках.

Кошка лезет к печке,
дерёт когтями мебель.

Заря жёлто-корич-
невого цвета, утром
и вечером холод
удерживается и да-
же увеличивается.

Художник Стацинский — охотник, а охотнику нельзя не знать, какая его ждёт погода. В лесу, в поле радио нет, там никто не скажет: будет ли завтра светить солнце или метель начнётся. Как же тут быть?

Люди с давних пор подмечают, какие изменения происходят в природе

БУДЕТ ПОГОДА?

Будет ненастье, потепление, если

Ветер с запада, северо-запада, юго-запада.

Луна с малым венцом вокруг, а звёзды сильно мерцают и сине-красноватого цвета.

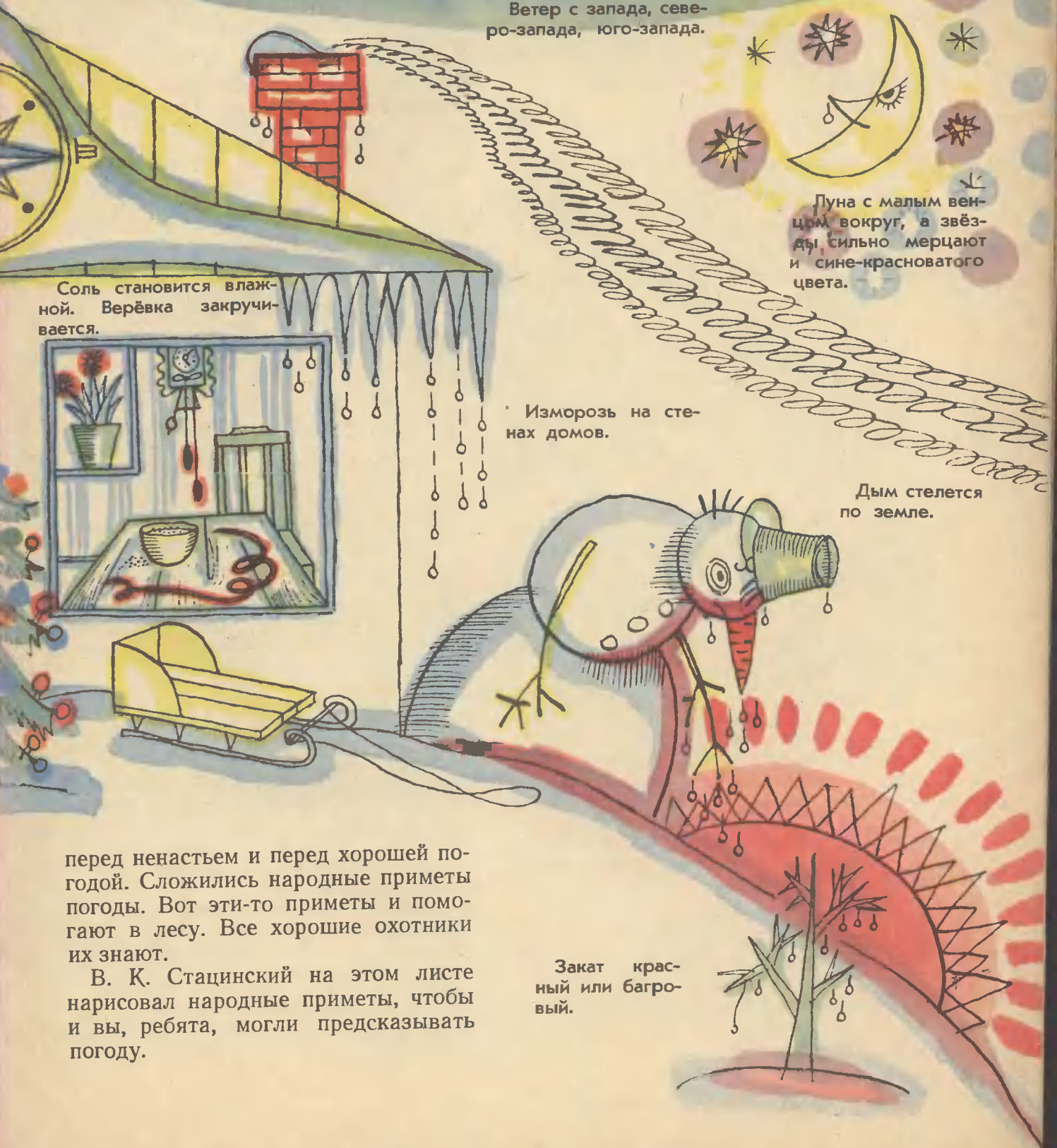
Изморозь на стенах домов.

Дым стелется по земле.

перед ненастьем и перед хорошей погодой. Сложились народные приметы погоды. Вот эти-то приметы и помогают в лесу. Все хорошие охотники их знают.

В. К. Стацинский на этом листе нарисовал народные приметы, чтобы и вы, ребята, могли предсказывать погоду.

Закат красный или багровый.

В О Т Т Е П Е Л Ь

Борис РЯХОВСКИЙ

Рис. А. ИТКИНА

Две избы на стану были заколочены. Мишка с отцом жили в третьей. Лёд окреп, отец с мужиками из соседней деревни — рыбацкая бригада — получили на конюшне рыбозавода кобылёнку, впрягли её в будку на полозьях и уехали за мыс. Будут там неделями жить: ставить сети, проверять их. Под вечер, как стемнеет, вернуться в будку, затопят железную печку, растелют тулупы и уснут сном без сновидений.

Заскучал Мишка — днём-то в школе, на людях, а вечером каково одному? Пошёл отца проведать, пробыл на озере полдня воскресного и возвращался засветло домой.

Далеко от берега лёд под Мишкой ахнул и пошёл трещинами. Мишка кинулся бежать, лёд прогибался, за спиной выступала вода, остановиться, оглянуться — в какую сторону бежать — Мишка не мог: тут же провалишься. И бежал, бежал, соображая на ходу: на ключи наткнулся, неслух, кому было сказано — ближе к берегу держись!

Мишка уж сам толком не помнит, как выкарабкался на островок. Островок-то был нарочный — так, кусок торфянистого берега, летом волны гоняли его по озеру, и зимовал он там, где оставили его последние осенние ветры. Росли на островке кустики, несколько берёзок, потому Мишка не сразу увидел сохатого. Лежал тот спокойно и глядел на Мишку. Ноги у сохатого были изранены. К островку вёл след — лёд изломан, чернела вода, видно, тяжело пробивался зверь.

Мишка устроился на другом конце островка — наломал веток, сел, вылил воду из валенок, выжал носки. Его била дрожь. Он то и дело вскакивал, прыгал, колотил себя кулаками, растирал ноги варежкой. Закоченел вконец — немоготу! Крепко похолодало в ночь. Пробовал натянуть варежки на ноги.

Понял Мишка, что замёрзнет ночью. Через день-другой зверь отлежится, перешагнёт через него и уйдёт своей дорогой искать густые осинники.

Над чёрным лесом стояла полная луна.

Когда Мишка, растирая бесчувственную ногу, в отчаянии заревел, сохатый повернул горбоносую огромную голову и заслонил луну. Мерцал его добрый глаз. Нынче летом в лесу к коровам сохатый приходил, паясая с ними, на водопой к озеру сопровождал. Может, этот самый и есть?.. Говорят, приручают лосей, дрова на них возят...

Решился Мишка. Поднялся и подошёл к сохатому. Дышал зверь ровно, похрипывал, как корова. Осмелел Мишка, сделал последний шаг и припал к звериному мохнатому боку. Зверь вздрогнул, дернулся, будто пытался подняться, и Мишке почудилось: островок качнулся. Махина!

Мишка зарыл руки в жёсткую и длинную шерсть. Там, в её горячей глубине, руки начали медленно отходить, тепло сохатого проникло в Мишку. Он согрелся. Глаза слипались. Кололо пальцы ног. Пахло овчиной. Носки Мишка было засунул в штанины, чтобы высохли, но не выдержал — так они холодили икры, вытащил их. Приложил сырые носки к боку сохатого, как к печке, и держал их, меняя руки. Когда Мишка ворочался, пристраиваясь поудобнее — то ноги затекут, то рука устанет, — сохатый шевелил своими заострёнными ушами, поворачивал голову, и Мишка видел, как он тербит сердито верхней вислой, будто тряпичной, губой. Мишка натянул носки, поправил валенки, подsunутые под звериный бок, придвинулся к нему теснее и задремал, сморённый теплом... Потрескивало на озере. Оттепель уходила. Мороз схватывал лёд.

Сквозь морозный туман на востоке ещё не пробилась малиновая краска рассвета, но в предутреннем сумраке вблизи проглядывалось. Мишка натянул стывшие валенки и сошёл на лёд. За спиной затрещало: сохатый поднялся.

У берега лежал рог. Мишка закинул его на плечо. Он знал, что сохатые зимой сбрасывают рога, но находить их раньше не приходилось.

Валенки отобрали у носков всё накопленное тепло, надо бежать. Мишка огля-

нулся. Сохатый — двухметровый гигант — темнел в сумраке. Ему оставаться на острове, покуда лёд окончательно окрепнет. Весу-то в нём — полтонны.

Рог только сначала показался не тяжёлым. Домой Мишка заворачивать не стал —

направился прямо в школу. Он запарился, взмок, пересекая озеро галопом с такой тяжестью на плече.

Но рог не бросил. Положил его под парту, на уроках то и дело трогал ногой — тут ли.

ВЫСТАВКА ИГРУШЕК

Эти прекрасные игрушки были показаны на Всесоюзной выставке в Москве. Выставка так и называлась «Игрушка».

Много-много ребят, и москвичей и приезжих, посетило просторные залы Манежа.

Были там и взрослые. Но они приходили туда учиться. Не удивляйтесь, ребята,

учиться можно и на выставке. Так вот взрослые мастера учились у своих товарищей. Ведь в Манеже были показаны игрушки из всех республик. И каждый мастер мог поучиться у другого, перенять всё лучшее, чтобы у всех детей нашей большой страны были хорошие игрушки.

Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

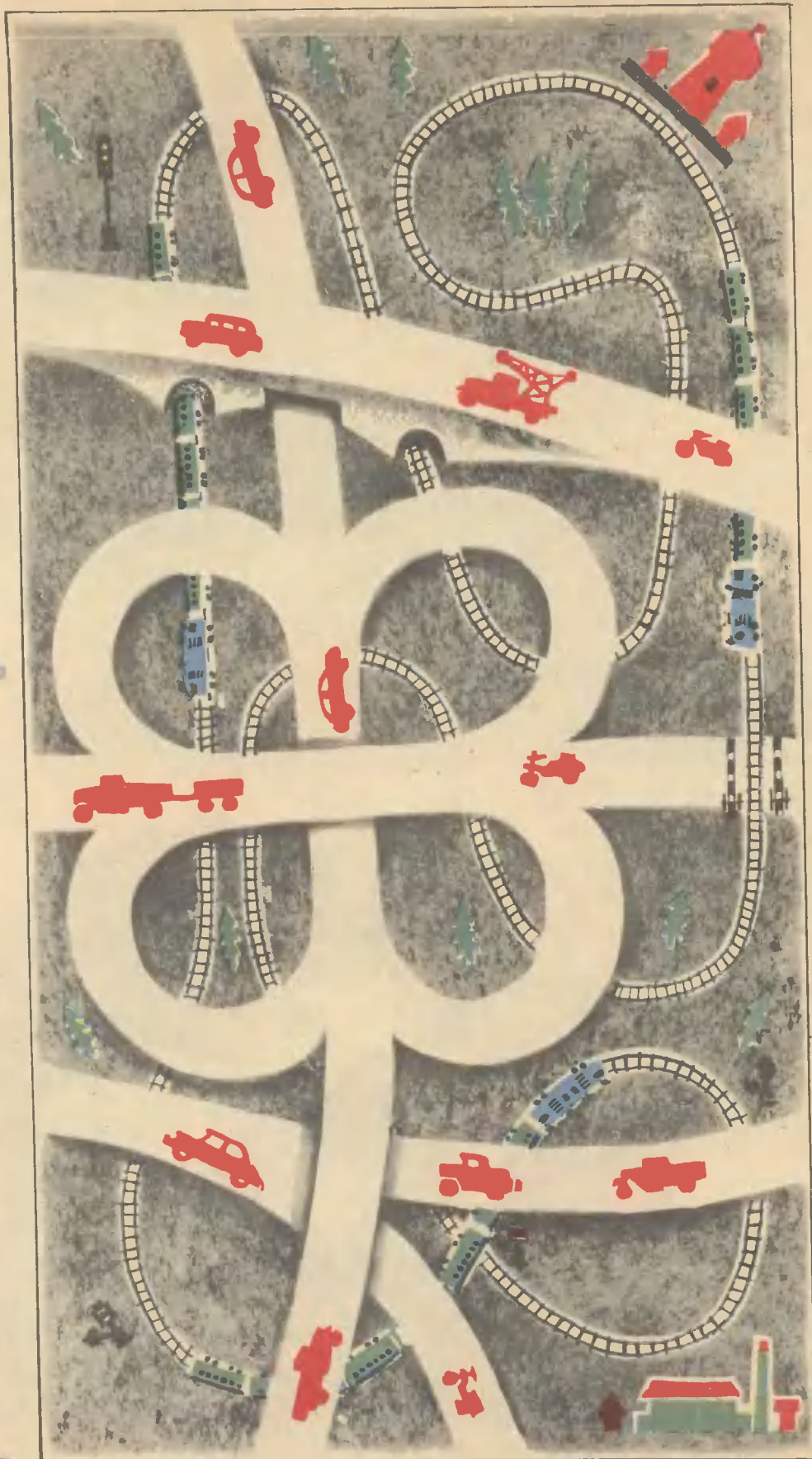
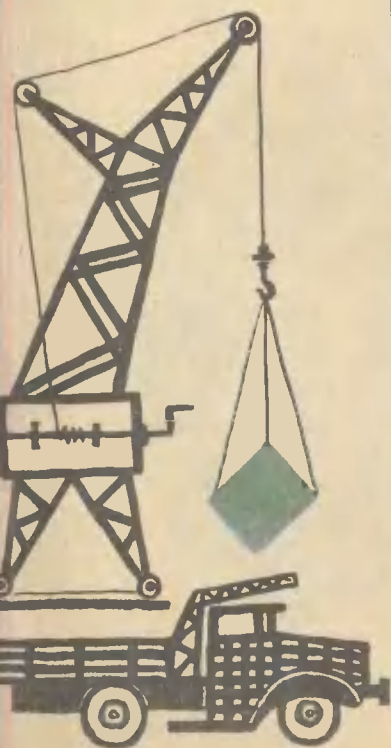
Весело купаться, когда рядом весёлые, нетонущие звери.

В такие игрушки играли очень, очень давно.

А эти игрушки необыкновенные: они работают. По-вар жарит яичницу, доктор запакает лекарство в рюмочку, слон пускает мыльные пузыри.

По игрушечным рельсам непрерывно мчатся поезда.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Л. ЗУБКОВА

Не видно за тучей
Весёлого месяца —
Его утащила
Большая Медведица.
И моет, наверно,
Его, голыша,
Горячей водой
Из большого ковша.

И трёт его, трёт,
Хоть ему неприятно,
Чтоб смылись
И пыль
И какие-то пятна...

Гулять
Он не выйдет —
В постели лежит,
Медведица — рядом,
Его сторожит.

А чтобы
Нам было
Всё видно и весело,
Луну
Вместо месяца
К небу подвесила!

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА,
Б. КЫШТЫМОВА

Сколько на свете профессий? Десять? Сто? Тысяча? Больше, гораздо больше.

Из такого огромного количества профессий человеку приходится выбирать самую для него интересную, самую привлекательную, ту, что на всю жизнь.

А кем собираешься стать ты?

Лётчиком? Отлично!

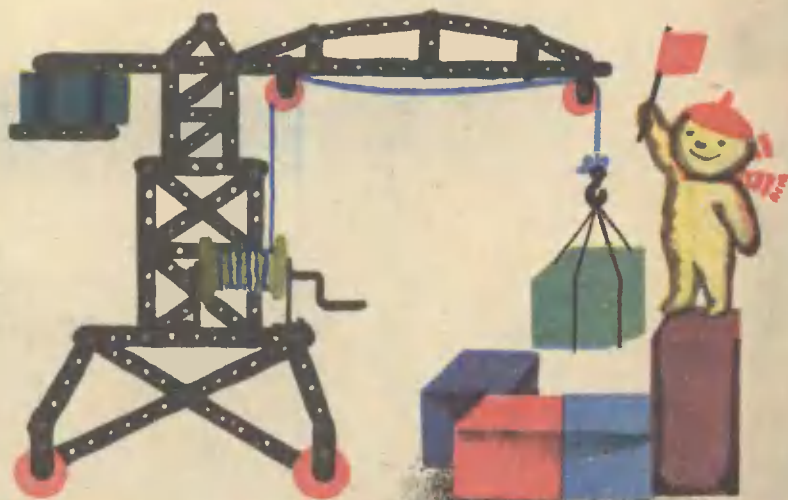
Космонавтом? Превосходно!

Покорителем земных и морских глубин? Замечательно!

А хочешь ли ты быть монтажником?

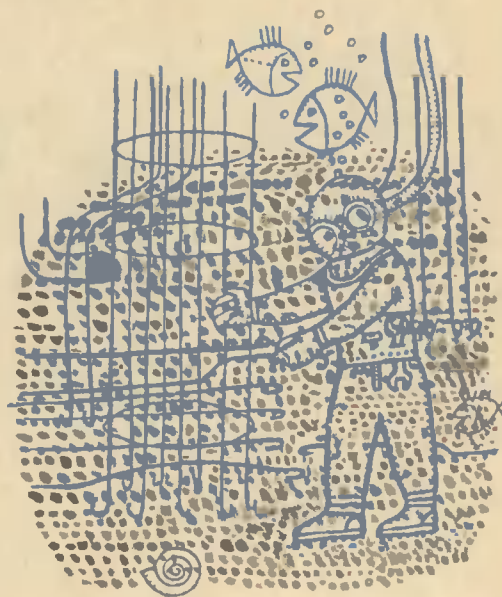
Ты задумался. Ты, быть может, даже и не знаешь, кто такой монтажник.

Достань с полки свой «Конструктор» и попробуй собрать, скажем, подъёмный кран. Деталь за деталью скрепляешь ты, чтобы получилась тележка, затем стрела... Ты закончил монтаж. Ты был монтажником. Но не думай, пожалуйста, что профессия монтажника проста. Взгляни на эти рисунки. Видишь, как монтируют мосты. Вертолёт несёт огромную мостовую ферму и устанавливает её на бетонные

основания. Монтажник стал лётчиком. Глубоко под землёй работают люди. Это тоже монтажники. Они монтируют шахтные стволы. Это не водолаз, это... Ты уже догадался, что под водой монтажник. Он монтирует арматуру в основании будущей плотины. Мачты высоковольтных линий пересекают таёжные дебри и безводные пусты-

ни — это работа монтажников. Вырастает среди тундры буровая вышка — это делают монтажники. Дом, в котором живёшь ты, собрали тоже монтажники. Они, монтажники, — это и лётчики, и водолазы, и горняки, и строители дорог.

А космонавты?

Конечно, в космосе без монтажников не обойтись. Они будут монтировать орбитальные станции, возводить на Луне, на ближних и дальних планетах вселенной космодромы и города.

Ну, нравится ли тебе эта профессия, в которой соединилось так много других очень интересных?

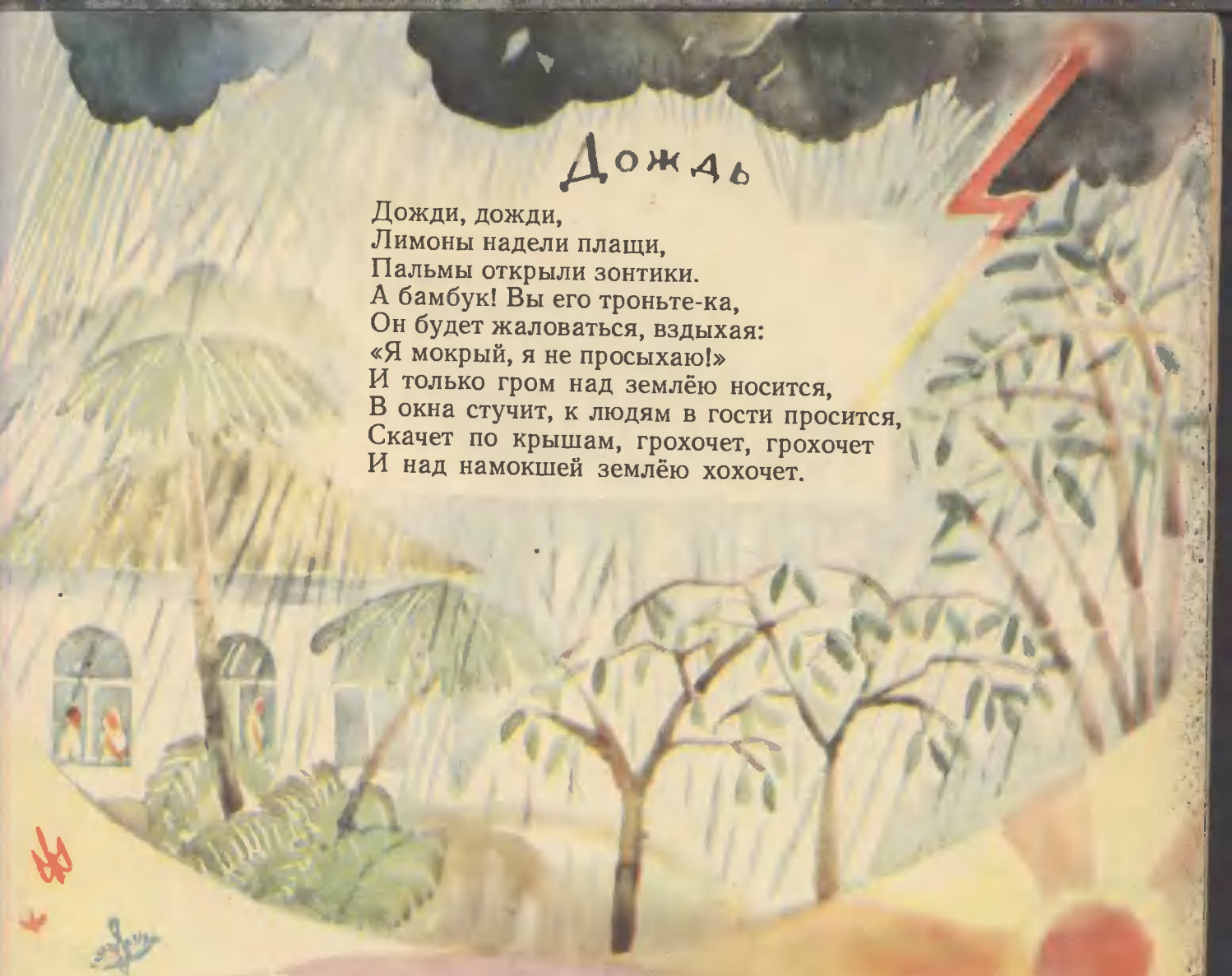
В НАШЕМ САДУ

В нашем саду
Дружно живут
Тень и тишина.
Как солнце взойдёт,
Они уже тут —
Тень и тишина.
Тёмных лиан
Любят уют
Тень и тишина.
Слушают молча,
Как птицы поют,
Тень и тишина.
Выйду я в садик —
Встречают меня
Тень и тишина.
Как хороши
Среди жаркого дня
Тень и тишина!

МОЯ ЛОШАДКА

Я свою лошадку
Больно не хлещу.
Я свою лошадку
Славно угощу.
Ест моя лошадка
Манго и маис,
Белый сахар сладкий
И варёный рис.
Поскачем по долинам,
По кручам и лесам...
Я её из глины
Сегодня сделал сам.

Дождь

Дожди, дожди,
Лимоны надели плащи,
Пальмы открыли зонтики.
А бамбук! Вы его троньте-ка,
Он будет жаловаться, вздыхая:
«Я мокрый, я не просыхаю!»
И только гром над землёю носится,
В окна стучит, к людям в гости просится,
Скачет по крышам, грохочет, грохочет
И над намокшей землёю хохочет.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Едет, едет солнцу вслед
Мой велосипед.
Я педалей не кручу,
Просто так лечу.
В колесе не видно спиц.
Обгоняю птиц.
Вниз,
стрелой
с горы
крутой,
Вот и школа.
Стой!

Перевела с хинди
И. ТОКМАКОВА

Рис. В. СТЕРЛИГОВА

А. КОПИ КѢЛЬНСКІЕ ДОМОВЫЕ

ПЕРЕВЕЛ С НЕМЕЦКОГО
ЮРИЙ КОРИНЕЦ

Рис. В. ЧИЖИКОВА

— Конечно! — скажет
житель Кѣльна. —
При домовых жилось
привольно!

Нам делать было нечего —
Лежи с утра до вечера!

А станет темно —
В дверь и в окно
Спешат человечки,
Роятся в печке,
Шуршат,
Мельтешат,
Чистят и драят,
Словно играют.

Ещё хозяин
крепко спит,
А в доме всё уже
блестит!

И плотники после
пирушки
Завалятся вечером
в стружки.
Лежат и усом не ведут —
А домовые тут как тут:

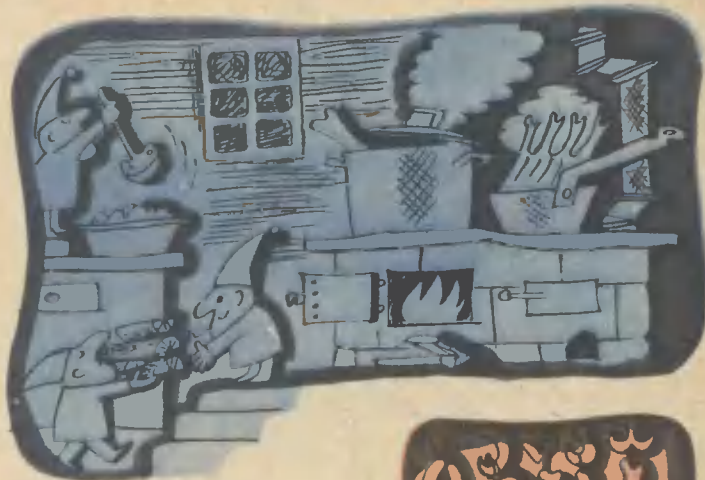
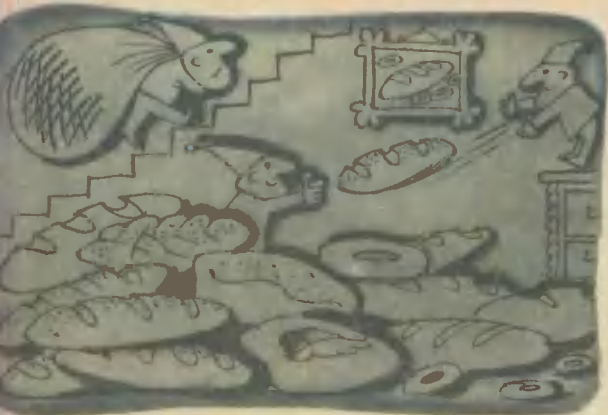
Хватают рубанок,
Топор и фуганок,
Пилят и мажут,
Рубят и вяжут,
Строгают,
Смекают,
Под крышу подводят
И тихо уходят.

Очнутся лодыри от снов —
А новый дом уже готов!

У булочника круглый год
Хлеб выпекался без забот.
Бывало, все в кровать ложатся —
Уж домовые шевелятся:
Тащат муку
Всяк по мешку,
Насыплют, отвесят,
Посолят, замесят,
Прихлопнут,
Притопнут,
В печь сволокут —
И вмиг испекут!

Пока все дрыхнут, как сычи,
Готовы хлеб и калачи!

И мясники отлично жили:
Они о деле не тужили.
Как ночь — помощники бегут,
На кухню тушу волокут.
Хозяин храпит,
А дело кипит:
Здесь топот и скрежет,
Здесь рубят и режут,
Здесь варят и жарят,
Перчат и коптят,
Вздыхают, кряхтят...

Протрёт мясник с утра глаза —
Глядь, на витрине колбаса!

Не хуже обстояло дело
 И у лентяя винодела:
 Бывало, в бочках ни глоточка,
 А он храпит себе, и точка!
 А в доме повсюду
 Чистят посуду,
 Гремят кадушками,
 Чанами, кружками,
 Налиют,
 Отопьют,
 Смешают, разбавят
 И в погреб поставят.
 Ещё в окно глядит луна,
 А бочки вновь полны вина!

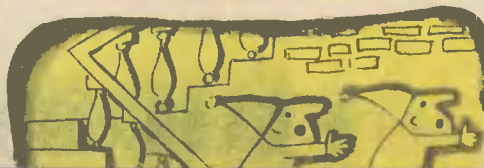
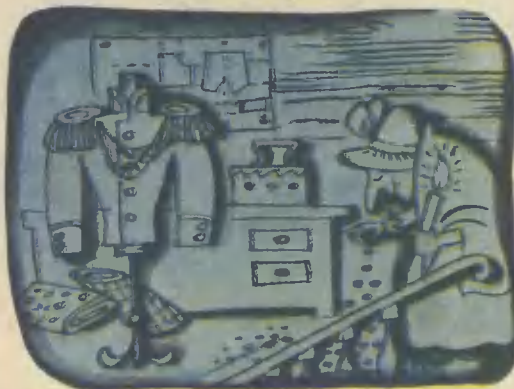
Портной мундир не кончит к сроку
 (Бедняге задали мороку!),

Серdito бросил он сукно:
 Мол, будь что будет, всё равно!
 Он спит, а на лавке —
 Во рту булавки —
 На корточках в ряд
 Сидят и кроят,
 И шьют,
 И поют!
 Обдёрнут, приладят
 И, сбрызнув, отгладят.
 Портной наутро очень рад.
 Мундир готов принять парад!
 Решила вдруг жена портного
 Увидеть ночью домового:
 Рассыпав по полу горох,
 Старуха ждёт...

Вдруг кто-то грох!

И вниз со ступенек
 Летит через веник!
 Следом другой
 В кадку с водой!
 О, проклятье!
 Разорвано платье!
 Малютки толкаются,
 Кричат, спотыкаются...

Старуха вниз бежит со свечкой.
 Шу! Шу! Шу! Шу! — и всё за печкой!

С тех пор мы домовых не ждём,
Их не разыщешь днём с огнём!
Всё нужно делать самому,
Уж нет побряжек никому!
Любой сосед
Встаёт чуть свет:
Всяк без конца
В поте лица
Скребёт,
Метёт,
И рубит, и жарит,
И пилит, и варит...

Вовек бы не было такого,
Когда бы не жена портного!

МУРАВЕЙ И КОСМОНАВТ

А. МИТЯЕВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Мурашка, молодой рыжий муравей, жил в муравейнике под плетнём. По одну сторону плетня была бахча, по другую — дорога. На рассвете по дороге ездил машина-молоковоз. Машина была тяжёлая. Когда она ехала, весь муравьиный дом дрожал. Мурашка любил поспать, да как спать, если стены дома ходят ходуном! И он вставал раньше солнца, протирал лапками глаза, подпоясывался потуже и бежал на работу.

Работа у него была самая обычная: он ловил гусениц под берёзой и доставлял их в кладовку.

Однажды Мурашка прибежал к берёзе и присел передохнуть. Он сидел и всё поглядывал вверх — не качается ли на шёлковой ниточке зелёная гусеница? Гусеница не качалась. Зато увидел Мурашка, как с неба падает огромное солнце.

Мурашка испугался, что солнце сожжёт его, хотел броситься наутёк. И убежал бы, да заметил в середине солнца человека. Мурашка узнал его по комбинезону и шлему. Это Космонавт опускался с оранжевым парашютом.

Космонавт приземлился, отстегнул ремни парашюта, снял шлем, подошёл к берёзе.

— Здравствуй, берёза! — сказал он; взял в руку ветку и поцеловал листья на ней.

Мурашке это не понравилось. Подумать только, здороваться с берёзой, когда тут есть муравей! «Просто он меня не видит», — подумал Мурашка и, подкрутив рыжие усики, забрался на башмак Космонавта, пробежал по ноге, по боку, с бока пере-

лез на рукав, а с рукава на указательный палец.

Космонавт увидел Мурашку.

— Доброе утро, Мураш Муравьевич! Что так рано поднялся? Дела?

— Дела... — ответил смущённо Мурашка. — А правда, что Земля круглая, как тыква на бахче?

— Правда, — ответил Космонавт. — Я был далеко от Земли и видел — она круглая.

— У нас на верхушке Земли хорошо, — сказал Мурашка. — Тут жизём мы — муравьи и люди. А внизу Земли никого нет, там все падают с неё.

— И внизу Земли есть и муравьи и люди, Мураш Муравьевич.

— Ну уж! — засомневался Мурашка.

Тут послышался гул мотора. За Космонавтом летел вертолёт.

— Прячься скорее, иначе тебя унесёт ветром, — сказал Космонавт и опустил Мурашку за камень.

Когда вертолёт улетел и стих ветер, Мурашка побежал что есть духу к муравейнику — рассказать о необыкновенной встрече.

МУРАШКА ТАНЦУЕТ

Все Мурашкины братья и сёстры, все дедки и бабки, все племянницы и племянники, дядьки и тётки тоже видели Космонавта. Но поговорить с ним, посидеть на его пальце! — такая честь выпала только Мурашке. И хотя он был обыкновенным рыжим муравьём, все стали относиться к нему с большим уважением. А сам Мурашка решил, что ему теперь море по колено и он будет делать только приятные дела. Приятным делом для него было танцевать лезгинку. Он затянул пояс ещё крепче, взял вместо кинжала соломинку и на листе конского щавеля пустился в пляс

«Пусть танцует, — говорили мур

вы, — другой на его месте умер бы от радости». Они думали, что Мурашка скоро примется за работу.

Но Мурашка и не думал приниматься за работу. Он только танцевал. Муравьи рассердились. Вечером они закрыли двери в муравейнике и оставили Мурашку на улице.

— Ага, вы, значит, такие! — кричал Мурашка у закрытых дверей. — Ладно. Я сделаю свой муравейник. Лучше вашего! А захочу, найду себе собственную Землю и буду жить на ней один. Мне Космонавт рассказал, какая она, Земля.

«Действительно, почему бы не подыскать Землю?» — думал Мурашка, вздрагивая от ночного холода.

МУРАШКИНА ЗЕМЛЯ

Утром другого дня Мурашка отправился выбирать себе Землю. Ему понравилась крупная полосатая

тыква. Она висела на плетне и, по мнению Мурашки, была совсем как Земля. Он забрался на тыкву и окончательно уверился в этом: жёлтые полоски на боках тыквы были как поля, зелёные — как леса, а на верхушке, в ямке у черешка, скопилась дождевая вода — это было море.

Мурашка сплясал на берегу моря лезгинку. Отдохнул немного и побежал путешествовать. Он решил обещать вокруг собственной Земли, посмотреть, что делается внизу, — может быть, там отыщутся горы или ещё что-нибудь интересное.

Мурашка бежал по боку тыквы. Бок у тыквы был скользкий. Мурашка упал со своей Земли на грядку.

«Как же так? — потирая спину, думал муравей. — Космонавт говорил, что с Земли упасть нельзя».

Мурашка снова забрался на тыкву. Он сел на морском бережку, обхватил голову лапками и стал размышлять, как строить тут муравейник. Он придумал бы, но вдруг тыква вздрогнула и загудела.

— Ого! — испугался и обрадовался Мурашка. — Землетрясение... Моя Земля совсем настоящая...

Но это было не землетрясение. Это мальчишка, который шёл мимо бахчи, запустил в тыкву камень из рогатки.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

День проходил за днём. Мурашка бродил по бахче. Лазил на плетень. Иногда добирался до берёзы, но де-

лал всё украдкой, чтобы не попасть на глаза родственникам. Земля-тыква ему надоела. Возвратиться в муравейник не позволяла гордость. Стал Мурашка бездомным.

Он уже не танцевал лезгинку: веселье пропало, а появилась злость. И когда увидел муравей человека, сидевшего под берёзой, помчался к нему. «Ну я кусну его!..»

Мурашка по всем правилам нечестной драки наскочил на человека сзади; пробежал по белой рубашке до воротника, с воротника перелез на шею, с шеи на щёку, со щеки на нос.

И только Мурашка изогнулся, чтобы сильнее куснуть, как очутился между большим и указательным пальцами человека.

— Старый знакомый! — услышал Мурашка голос. — Что-то ты разгуливаешь по моему носу?

Мурашка обмер: это был тот самый Космонавт, что опустился тут однажды утром. Рыжий Мурашка от стыда стал красным.

— Добрый день!.. — сказал Мурашка, заикаясь. — Опять к нам пожаловали?..

— Захотелось посмотреть на эту поляну, — ответил Космонавт, — и

на берёзу, и на тебя, Мураш Муравьевич. Это не простая штука — встреча с Землёй. Я никогда не забуду такой радости.

— А Земля похожа на тыкву? — спросил Мурашка, вспомнив свои огорчения и неудачи на Земле-тыкве.

— Я говорил тебе. Похожа и на тыкву, и на мячик, и на воздушный шарик. Как голубой шарик, летит она в космосе.

— И никто не падает с неё?

— Никто не падает.

— А почему же я упал со своей Земли? — сказал Мурашка, и его голос задрожал от обиды.

Выслушав рассказ Мурашки, Космонавт засмеялся:

— Земля, друг ты мой Муравьевич, это удивительно! Если нет у тебя важных дел, я расскажу тебе маленькие сказки.

— Важных нет, — сказал печально Мурашка. — Рассказывайте.

ПЕРВАЯ СКАЗКА

Было время, когда с Земли всё падало. Внизу падало вниз. А на верхушке Земли, как это ни странно, па-

дало вверх. Улетало, словно птица. Падали-улетали собаки, если их не привязывали к конуре. Спелые яблоки падали-улетали с яблонь. Яблоки приходилось обрывать незрелыми, в рот не возмёшь — кислятина!

Для людей на улицах были устроены перила. Человек шёл и держался за них.

Чтобы не было несчастий с людьми, которые забывали держаться за перила, над городами и деревнями устраивали сетки на высоких столбах. Рассеянные люди падали-улетали в эти сетки. На Землю они спускались по лесенке.

А что творилось в доме! Стулья и столы, если они не были прибиты к полу, падали на потолок.

Как видишь, Мурашка, жить на Земле было ещё хуже, чем на твоей тыкве.

И люди сказали Земле: «Ты ведь добрая. Сделай, пожалуйста, чтобы мы не падали с тебя».

«Хорошо, — ответила Земля, — я буду притягивать всё, что есть на мне. Как магнит притягивает гвоздики».

Притянула Земля, да так сильно, что люди не могли ноги от дорожки приподнять; птицы прилипли к крышам.

«Ай-я-яй! — закричали люди. — Очень сильно притягиваешь. Притягивай послабее...»

Земля притянула послабее, как притягивает сейчас. И никто уж не падал с Земли.

ВТОРАЯ СКАЗКА

Но не совсем хорошо было на Земле. И вот почему, Мураш Муравьевич. Земля висела в космосе неподвижно, как твоя тыква. И Солнце всегда освещало только одну сторону Земли. Поэтому на одной стороне

постоянно был день, на другой — постоянно ночь.

На солнечной стороне зрели тыквы, лимоны, клубника, пели птицы, порхали бабочки, прыгали зайцы. На тёмной стороне даже одуванчики не росли.

Когда люди ложились спать, они завешивали окна плотными шторами — ведь не уснёшь, если свет брызжет в глаза. А некоторые уходили спать на ночную сторону Земли. И часто просыпали там, опаздывали кто на завод, кто в класс. А многие в темноте набивали на лбах шишки.

Ещё раз попросили люди Землю: «Добрая Земля, не могла бы ты кружиться?»

И Земля закружилась перед Солнцем, как кружится девочка, показывая обновку маме. Солнце по очереди освещало то одну сторону Земли, то другую.

У нас, Мураш Муравьевич, сейчас день. Значит, наша сторона Земли перед Солнцем. Видишь, вон оно какое яркое! А на другой стороне сейчас ночь, и там все спят — и люди и муравьи.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА

Ты говорил, Мурашка, что в твою тыкву попал камень и чуть не убил тебя. А ведь в Землю тоже попадало много камней. В космосе камни носятся целыми тучами.

Как-то Земля сказала людям: «Нужна мне рубашка, чтобы камни не так больно колотили в мои бока. Я вам дважды удружила. Теперь вы помогите. Придумайте что-нибудь».

За дело взялись стеклодувы. Они сделали Земле рубашку из стекла. Но только обновка была готова, как послышался звон — это посыпалось разбитое стекло. Камень-метеорит пробил в стекле дырку. Все стекольщики, сколько было их, начали

вставлять стёкла. В одном месте вставят — в другом осколки звенят.

Приуныли мастера. Не делать же рубашку Земле из железа! Сквозь железо Солнце не увидишь.

«Попробую-ка я», — сказал тогда продавец воздушных шаров и принялся выпускать воздух из баллонов. Около него собралась очередь, но он не обращал внимания на покупателей, всё окутывал Землю воздухом.

Воздушная рубашка всем понравилась: сквозь неё видно Солнце, а метеориты застревают в ней и сгорают, будто спички.

Продавец шаров любил научные слова. Он назвал рубашку Земли атмосферой.

ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ

— Что же мне делать теперь? — заговорил Мурашка. — В муравейник не пускают, двери от меня запирают. Конечно же, тыква не Земля. Осенью тыкву унесут в деревню и сварят из неё кашу. Семечки поджа-

рят на сковороде. Зимой ребята будут щёлкать их... Ребятам хорошо, у них есть и шубы, и валенки, и шапки. А я зимой закоченею, помру...

Мурашка всхлипнул, рыжей лапкой вытер глаза.

— Посмотри-ка, Мураш Муравьевич, вверх, — негромко сказал Космонавт.

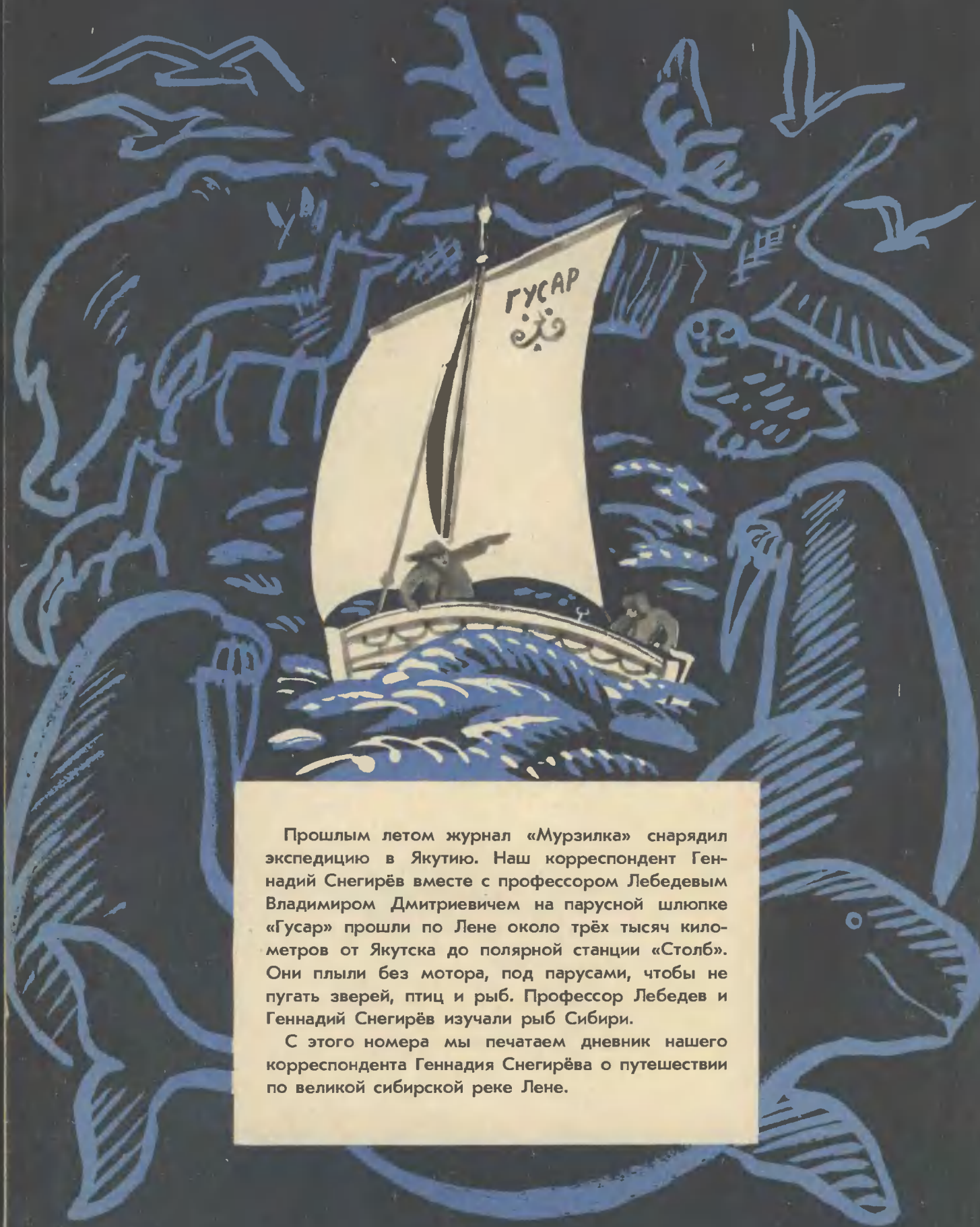
С ветки берёзы опускалась на шёлковой нити зелёная гусеница.

— Я думаю, у тебя есть возможность исправить свою ошибку, — прошептал Космонавт. — Запомни только одно: людей и муравьёв много, а Земля одна-единственная. Ну, счастливой тебе охоты!

Когда Мурашка притащил добычу в муравейник, никто ни о чём не спросил его; муравьи понимали, что хвостун уже наказан. Зато сам Мурашка, сдавая гусеницу в кладовку, сказал:

— Муравьёв и людей много. А Земля — одна-единственная!

И опять муравьи промолчали: они это знали давно.

Прошлым летом журнал «Мурзилка» снарядил экспедицию в Якутию. Наш корреспондент Геннадий Снегирёв вместе с профессором Лебедевым Владимиром Дмитриевичем на парусной шлюпке «Гусар» прошли по Лене около трёх тысяч километров от Якутска до полярной станции «Столб». Они плыли без мотора, под парусами, чтобы не пугать зверей, птиц и рыб. Профессор Лебедев и Геннадий Снегирёв изучали рыб Сибири.

С этого номера мы печатаем дневник нашего корреспондента Геннадия Снегирёва о путешествии по великой сибирской реке Лене.

„ГУСАР“

Когда самолёт подлетал к Якутску, тут я её и увидел и говорю Владимиру Дмитриевичу:

— Вот она, с правого борта!

Он посмотрел:

— Это не Лена, это протока ленская. Лену ты скоро увидишь!

Но Лена осталась в стороне, земля наклонилась, и самолёт пошёл на посадку.

В Якутске мы помогли друг другу взвалить на плечи рюкзаки и пошли на другой конец города, к нашей шлюпке, которую я ещё не видел.

Шлюпка лежала перевёрнутая вверх дном в самом углу двора. Она заросла лебедой и крапивой, только под шлюпкой трава не выросла — там не было солнца.

Шлюпка была закутана тряпками, мешками и старыми обрывками от сетей.

Мы сняли всё тряпье, отошли в сторону и молча смотрели на неё. Владимир Дмитриевич подошёл к ней и стал внимательно разглядывать каждую трещинку, каждый шурупчик.

— Ты посмотри, какие у неё обводы, — в океан выйдем на ней, до Новосибирских островов дойдём! До Тикси наверняка дойдём!

Мне она показалась маленькой — четырёх метров длина, полтора — ширина. Но зато устойчивая, как скорлупа от орешка.

Мы принесли олифу, белила и стали её красить.

— У хорошего судна должен быть морской вид! — сказал Владимир Дмитриевич.

Сначала я не умел красить, макал кисть в банку с белилами, и получалось много потёков. Владимир Дмитриевич сердился:

— Понемногу бери на конец кисти и втирай, втирай, а не мажь!

Наконец покрасили, сели на травку и закурили.

— Нужно её назвать, — сказал я. — Мы во льды пойдём?

— Льды появятся в дельте десятого августа; если не успеем проскочить, будем зимовать на «Столбе»!

«Столб» — это полярная станция в дельте у могилы Де-Лонга. Ширица — берегов не видно, и посредине торчит скала — «столб».

— Назовём нашу шлюпку «Кашалотом».

— Неплохо, — сказал Владимир Дмитриевич, — но можно лучше.

— Назовём «Осетром»!

— Можно ещё лучше, — сказал Владимир Дмитриевич.

— Хорошо, — сказал я, — пускай будет «Осьминог».

— Не пойдёт, — сказал Владимир Дмитриевич, — нужно что-нибудь настоящее.

— Осьминог, по-вашему, не настоящий? — спросил я.

— Назовём её «Гусаром», — сказал Владимир Дмитриевич, — в самую точку.

— А почему «Гусар»? — спросил я.

р. Лена

Жиганск

— Гм-м, — улыбнулся Владимир Дмитриевич, — да потому, что гусары... короче говоря, только гусар может пройти по Лене без мотора под парусом и... с такой командой! — и Владимир Дмитриевич посмотрел на меня.

— А вы кто? Адмирал? — спросил я.

— Я не адмирал, а штурман. И с закрытыми глазами без карты могу провести «Гусара» по Лене.

Это правда. Владимир Дмитриевич всю войну был штурманом и бомбил немцев в Норвегии. А после войны ходил по Лене, знает каждую протоку, каждый остров.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть будет «Гусар»!

ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда краска на «Гусаре» высохла, нам помогли погрузить его на грузовую машину, отвезти к протоке и спустить на воду. Мы поставили мачту, уложили мешки с сетями по бортам, оттолкнулись от берега и... сели на вёсла!

Провожал нас шкипер Королёв:

— Ну, в дельту вас затащит, попутного ветра!

Только к вечеру мы вышли на Лену и поставили паруса. Сначала, как всегда, ничего не ладилось. Владимир Дмитриевич сидел на руле и держал в руке конец — верёвку от фок-паруса, а я держал конец от кливера.

Налетает шквал — неожиданный ветер, Владимир Дмитриевич кричит: «Майнай!» Я опускаю конец, и кливер хлопает по ветру.

Налетает попутный ветер, Владимир Дмитриевич кричит: «Вирай!» Я натягиваю свой конец, парус «берёт ветер», и «Гусар» мчит вперёд, только волна журчит под носом.

Ночью нас «прихватил шторм». Мы спустили паруса и отдали якорь. Грунт был плохой, скользкий, якорь не цеплялся за дно, и лодку нашу вынесло на фарватер, где ходят большие пароходы. Ветер с дождём, в темяте пароходы рыкают, как львы, а мы никак не найдём фонарь. Нужно бортовой огонь зажечь, чтобы нас на пароходе видели и не потопили. Надели спасательные жилеты на всякий случай — они без рукавов, резиновые и сбоку трубочка —

возьмёшь её в рот, воздух надуешь, пробочкой заткнёшь и знаешь, что, если лодка перевернётся, не утонешь. Жилет оранжевый, чтоб издали был виден в воде.

Утром ветер стих, солнышко выглянуло — кончилась первая ночь! Обсушились, поставили паруса и «побежали». Ветер не попутный, а сбоку дует, но плыть можно.

Острова проходим. Издалека кажется, что на островах белый ковыль растёт — гнётся под ветром. Это ива, а белая она потому, что весной в ледоход льдины кору с деревьев содрали и наклонили их в одну сторону. И ещё «пьяный лес» — деревья в разные стороны растут. Это вечная мерзлота. Земля оттаивает, сдвигается, и деревья сдвигаются, некоторые над водой наклонились, вот-вот вместе с куском берега упадут.

В Якутске из-за вечной мерзлоты дома строят на сваях, и всё равно трещины появляются в стенах. Или печка вдруг треснет — иадо глиной замазывать.

Чайки над нами кружат — это к хорошей погоде. А если даже солнышко светит и ветра совсем нет, а чайки на берегу сидят — плохо, жди шторма!

Чайка бродит по песку,
Рыбаку сулит тоску.

Ну, сейчас чайки летают — значит, всё в порядке!

(Продолжение следует)

МУРЗИКА-РЫБАК

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

Скорее к нему! Надо сфотографировать его с богатым уловом. Да, как бы не так!..

— Станешь лунку долбить, — говорит Петя, — руки замерзают.

— Сядешь рыбу ловить — ноги мёрзнут.

— И рыбы сонные замёрзли, холодная наживка им не нравится.

— Блестящая у меня идея! — говорю я. — Оставайся здесь, я скоро вернусь.

Смотри страницу 32.

Под Новый год стал я вспоминать свои прошлогонные приключения с Петей Синичкиным.

Совсем забыл. Он же сегодня на подлёдном лове.

МОРОЗ

Тамара ВОЛЖИНА

Скрипит мороз.
Сердит мороз.
И снег
Сухой и колкий.
И вяз озяб.
И дуб замёрз.
Насквозь
Продрогли ёлки.

И солнце в небе
Как желток...
И до того мороз
жесток,
Что через поле птица
Перелететь
Боится.
Вот какой морозище!

ЖАДИНА

С. СКАЧЕНКОВ

— Санечка, Санечка,
Покатай на саночках.
— Нет, не буду. Не могу.
Видишь, санки берегу.

МУРЗИЛКИНА ШКОЛА

Первый урок

*Занятия ведёт художник
Пётр Денисович ПОНОМАРЁВ*

Ребята! На этом уроке мы будем делать панно из древесных опилок. Вообще-то из опилок можно сделать много красивых вещей — коробочки, вазы, декоративные блюда, броши, бусы, фигурки птиц и зверей, но мы пока займёмся самым простым.

Для работы нам понадобятся сухие опилки, косточки алычи, слив, персиков, кусоч-

ки мягкой проволоки, щепочки, казеиновый клей, немного вазелина и бесцветный нитролак. Инструмент нужен такой: молоток (лучше деревянный), большой плоский напильник, тонкое шило гранёное, нож, кусачки, кисть и простой карандаш.

На этих страничках напечатаны образцы, по которым можно делать панно. Но будет лучше, если вы сами придумаете рисунок и узор. Когда вы определите размер панно, надо будет сколотить рамку. Для этого к гладкой дощечке или фанерке прибавляются рейки толщиной 1 сантиметр и высотой от плоскости доски 2 сантиметра. Рамка нам нужна, как нужна формочка ребятишкам, которые лепят из песка пироги. Но давайте на время отложим рамку.

Теперь мы будем готовить детали панно. Кусачками откусим проволоку нужной длины, согнём её. Ножом (или лобзиком) вырежем из щепки птиц и ягоды. Самое сложное — расколоть косточки сливы. Надо шилом сверлить косточку с острого конца. Шило будет углубляться, и косточка разделится на две половинки. Можно косточку вложить в углубление в доске, на косточку (где замечен шовчик) наставить нож и легонько бить по нему молотком. Выберите лучшие, целые половинки косточек, на напильнике подровняйте их края, чтобы они были гладкими. Так же подровняйте и щепочки.

На листе бумаги выложите рисунок или узор из половинок косточек, щепочек и проволоки. Обведите карандашом все дета-

Контур белки, иголки ёжика, ёлочка, пенёк делаются из проволоки разного цвета, шишка — из косточек слив.

ли. Теперь детали приклейте на места, обведённые карандашом. Когда клей высохнет, вложите бумагу в рамку. Только прежде смажьте дно и стенки рамки вазелином.

Пришла очередь пустить в дело опилки. В консервной банке или в другой посуде опилки надо смешать с казеиновым клеем, разведённым до густоты сливок. Опилки тонким слоем кладите в рамку и утрамбовывайте молотком. Нам нужно, чтобы опилки крепко слиплись и потом превратились в прочную плитку. За первым слоем кладите второй, третий...

Форму, заполненную до краёв, поставьте в тёплое место и ждите, когда плитка высохнет. Сухую плитку легко вынуть — мы не зря смазывали форму вазелином.

У вас в руках твёрдая плитка. Начинайте тихонько стачивать бумагу напильником. При этом будут стачиваться все неровности косточек и проволоки. Чтобы поверхность была совсем ровной, потрите плитку шкуркой.

В верхнем ребре плитки шилом проделайте дырочку. В неё вставьте проволочную петельку (не забудьте окунуть её концы в клей). Когда петелька присохнет, панно

можно повесить на стенку. Но нет! Забыли отлакировать. Нитролак (№ 700, 931) наносится 7—8 раз. И каждый раз надо дожидаться, чтобы лак высох. Лакированную поверхность очень быстро (мягкой кистью) покройте ацетоном.

Ну вот и всё. Панно готово. Второй урок у нас будет в феврале. Времени много, и можно попробовать сделать ещё что-нибудь из опилок, косточек и проволоки.

Если что-то окажется для вас трудным, попросите старших, пионеров. Они вам обязательно помогут.

КУКОЛЬНЫЕ МОДЫ

•
Р у с с к и й
н а р я д

Сумочки.

Башмачки и сапожки.

Рубашка.

Сарафан.

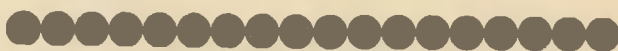

Рисунок на обложке Е. РАЧЁВА

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Вороннова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Казаков, М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв, В. Чижиков.

Художественный редактор Ю. Молоканов
Технический редактор В. Лубкова

Год издания сорок второй. Цена 10 коп.

Подп. к печ. 15/XII 1965 г. Бумага 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 2 (3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 4700 000 экз.
Заказ 2238.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва
«Молодая гвардия»: Мосива, А-30, Суцёвская, 21.
Телефон Д 0-45-08.

МУРЗИЛКА-РЫБАК

Индекс 70553

Я достаю свой походный примус...

...беру с собой не-большой ломик...

...магнитофон...

...и, конечно, кастрюлю для ухи.

Прибегаю к Пете, и мы зажигаем примус, накалываем лом.

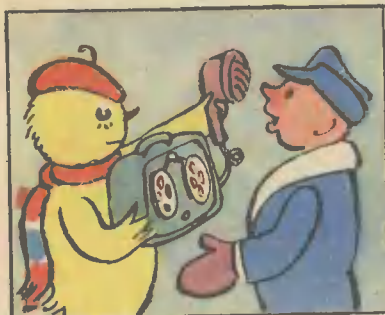
Затем лом — в лёд, и лунка готова! Да какая! С тёплой водой.

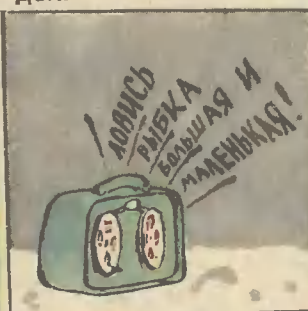
Нагреваем наживку...

...и ставим удочку.

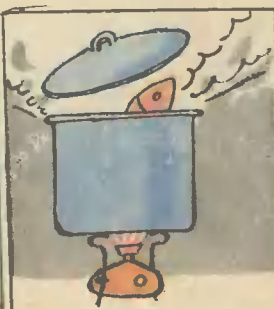
Потом делаем запись на магнитофоне...

...и включаем его на полную мощность.

Рыбы кинулись косяками.

Вскоре на примусе кипела уха.

Тем временем сбегали в лес.

...принесли ёлку.

Что может быть лучше ухи на морозном воздухе?! И магнитофон пригодился — завели весёлые песни.